

1

Юра

ЛЕТНЯЯ
ПРАКТИКА

Жарким июньским утром 1998 года студент Юра Тишин ехал ловить призраков. Его путь лежал между холмами, густо заросшими бурьяном, и ровным черным полем. Над распаханной землей кружились стаи ворон и галок. Множество трещин и выбоин покрывало серый асфальт дороги.

За курганом угадывался далекий лесок, и Юра от скуки представлял, что там прячется татарская конница. Вот сейчас, топча сухую траву, поднимутся из-за холма передовые разьезды, сверкнет солнце на остриях копий, взметнутся горделивые бунчуки, разразятся воинственные кличи. Всадники бросят лошадей напрямик через поле, чтобы ворваться в беззащитные селения. И растворятся бесплотными призраками, не в силах пересечь серую границу между мирами живых и мертвых, прошлого и настоящего.

Юра на секунду подумал, что на него накатило *воспоминание*. Он сосредоточился, осознавая, кто он, где он и, главное, что сейчас держит в руках, и понял, что видением здесь и не пахнет. Мир материален, сейчас девяносто восьмой, он – Юрий Тишин, студент четвертого курса исторического факультета. Он крутит в руках кубик Рубика, который

утром бросил в рюкзак, чтобы не скучать в дороге. Но автобус опаздывает, головоломка давно собрана, и время тянется как резина.

А еще у Юры слишком богатое воображение. Научный руководитель Игорь Федорович часто попрекал его этим.

«Настоящий ученый должен видеть мир таким, какой он есть, — говорил строгий кандидат наук. — А не таким, каким он его представляет! История объективна, в ней нет места романтике и витанию в облаках!»

Игорь Федорович пользовался огромным авторитетом на кафедре. Над его гипотезами, смелыми, спорными, даже дерзкими, сначала смеялись. Потом о них говорили. И, наконец, они блестяще подтверждались. Студент Тишин упоминался в статьях Игоря Федоровича мелким шрифтом, в самом конце длинного ряда соавторов. Когда-то это могло бы обидеть Юру, но, обретя «дар», он получил и несколько уроков. Первый из них звучал так: «Мир жесток к людям, которые хотят слишком много».

Неделю назад Игорь Федорович пригласил его в гости в загородный дом. Пока коллеги-историки колдовали над мангалом на заднем дворе, преподаватель отвел Юру в кабинет, где со стен скалились маски африканских шаманов. На полках вперемешку стояли научные труды и сувениры — от каменных ножей до осколков снарядов. В каждом из них, словно угли под слоем пепла, тлели *воспоминания*. Боясь непроизвольно коснуться чего-то и не зная, куда деть руки, Юра спрятал ладони в карманы. Игорь Федорович плеснул себе немного виски и зажег сигару. Он казался взволнованным.

– Твоими способностями заинтересовались, мальчик мой. – Профессор сделал небольшой глоток из бокала и выпустил длинную струйку дыма.

– Способностями? – спросил Юра, старательно изображая дурачка.

Он никому не говорил о даре и видениях прошлого, которые порой накатывали на него, словно морской прибой.

– Способности, провидение, интуиция... Называй как хочешь, – махнул мягкой ладонью Игорь Федорович. – Я о том, что ты можешь рассказать все, стоит только взять в руки вещицу с историей. Ты знаешь детали, догадаться о которых случайно не мог. Вот что я называю способностями. И они много раз меня выручали.

Профессор подмигнул, будто они были добрыми друзьями. Юра сглотнул комок в горле и быстро вытер взмокшие ладони о джинсы. Он старался не распространяться о своих умениях. Если болтаешь о таком, рискуешь по меньшей мере прослыть психом.

– Я просто догадливый.

– Со мной ты можешь быть честен. – Игорь Федорович по-отечески похлопал Юру по плечу. – Послушай, один авантюрист по имени Филипп Делагрие готов заплатить любые деньги за раскрытие старого преступления. И когда я говорю «старое», я имею в виду, что оно произошло еще до революции. Можно сказать, будешь ловить призраков прошлого. Все лучше, чем переписывать ветхие документы в архиве, верно?

Архив, в который студентов ссылали на практику, Юре действительно осточертел. К тому же светили деньги, и немалые.

Можно купить матери путевку в Турцию, себе – автомобиль. И не подержанный «Москвич», а приличную иномарку. Решение было принято.

Юра не знал, что позволяет ему проникать в прошлое предметов. Он просто брал в руки вещь, и его накрывало, словно волной, памятью ее бывшего владельца. Это быстро сделало студента Тишина любимчиком всесильного на факультете Игоря Федоровича. Теперь дар должен помочь раскрыть старое преступление. И тогда унижительные подработки официантом и раздача листовок останутся в прошлом.

Размышления прервал пронзительный автомобильный гудок. Обрадованный, Юра выскочил на проезжую часть, но это оказался не долгожданный автобус, а серый от пыли внедорожник. Бритоголовый громила крутил руль. На пассажирском сиденье расположилась эффектная рыжеволосая девушка в зеркальных очках, закрывающих половину лица. Водила посигналил, прогоняя Юру с дороги. Рыжая обернулась, когда автомобиль проезжал мимо, но осталась равнодушна. Через миг они укатили вдаль. Юра вздохнул и подумал, что, если дело выгорит, тоже обязательно купит себе внедорожник.

Проехав вперед метров сто, внедорожник остановился, дал задний ход и поравнялся с Юрой. Девушка на пассажирском сиденье высунулась в окно и стащила очки, позволяя себя рассмотреть.

Совсем не модель. Некрасивое скуластое лицо, все пятнистое от веснушек, как полежавшая на солнце груша. Рыжие, неровно остриженные волосы выются мелкими кудрями.

Руки сильные, сразу видно — веса тягает. Белая майка с низким вырезом, а в вырезе — безобразный продольный шрам. На коленях у девушки Юра заметил путеводитель.

— Привет! — сказала она. — Ты местный?

Юра молча покачал головой, не отрывая взгляда от безобразного темно-красного рубца. Ей что, грудную клетку вскрывали?

— Не знаешь, как добраться до Заречья? — спросила рыжая. — Только нам надо не в город, а в усадьбу.

— Да он сам приезжий. Посмотри на рюкзак, — лениво протянул водила. — Не трать время, Инга.

Рыжая со вздохом разочарования откинулась к спинке кресла и спрятала лицо под очками. Юра перевел взгляд на ее спутника. Бритоголовый плечистый хмырь был неуловимо похож на питбуля. Для полного сходства не хватало только шипастого ошейника на крепкой шее и пары клыков. Выступающие надбровные дуги, тяжелая челюсть, шрам на переносице и — глаза. Маленькие, белесые, рыбы глаза были хуже всего. Юра уже сталкивался с людьми с таким взглядом. Нога, простреленная два года назад, сразу заняла фантомной болью, возвращая в тот день, когда способности проявились у Юры впервые.

Ему стало не по себе. Стыдясь этого страха, он твердо сказал:

— Я не местный, но знаю, как ехать в Заречье. Это дальше. Вы заблудились.

— Покажешь? — подняла золотистую бровь Инга. — А мы бы тебя подбросили.

Отказываться было глупо. Юра подхватил рюкзак и неловко забрался на заднее сиденье. Там лежал металлический термос и разломанная шоколадка, уже подтаявшая на жаре.

— Угощайся! Я Инга, а это Егор. — Девушка по-мужски протянула Юре руку, перегнувшись через автомобильное кресло.

«Питбуль» не обернулся. Опустив стекло, он вдавил в пол педаль газа, и внедорожник рванул с места.

— Ваш путеводитель можно выбросить. Поместья нет на карте, — сказал Юра. — Город Зарецк, как и всё здесь, конечно, принадлежал князю до революции. Но сама усадьба находится в месте, которое называется Дачи. Аркадий Зарецкий строил там летние домики. Позже, уже при советской власти, Дачи превратились в поселок, куда приезжали отдыхать партийные работники. Но сейчас тут живут в основном старики.

— И откуда ты столько знаешь? — Егор косо посмотрел на него в зеркало заднего вида.

— Я историк. Меня Юра зовут. Юра Тишин. Еду... на летнюю практику.

В этот момент их внедорожник подрезала девчонка на мотоцикле. На ней даже не было шлема — ветер трепал короткие темные волосы. С черной кожаной куртки зловеще ухмылялся призрак, вышитый во всю спину. Егор ударил по тормозам, громко посигналил и выругался.

— Жить надоело?! — рявкнул он, высунувшись из окна.

Но мотоциклистка уже скрылась вдали, подняв тучи горячей пыли.

— Гоняют как сумасшедшие, — проворчал Егор. — А родители потом рыдают у дверей реанимации.

— Я бы всех лихачей на экскурсии в больницы водила. Чтобы посмотрели, как таких же дураков собирают по кусочкам на операционном столе, — сказала Инга, машинально потирая шрам на груди. — Юр, так что ты про Заречье говорил?

Солнце играло в рыжих кудряшках, коронуя девушку пламенным венцом. Некрасивая, но с огоньком. Вокруг таких, как она, не собираются толпами парни в клубе, зато, встретив однажды, их запоминают на всю жизнь. И почему она рядом с этим хмырем бритоголовым? Не ради денег и внедорожника же.

Любуясь искрами в костре рыжих кудрей, Юра постарался припомнить всё, что прочитал в тонкой картонной папке, собранной для него научным руководителем.

— Князь Аркадий Зарецкий разбогател на торговле землей и выкупил это поместье у разорившейся семьи потомственных дворян. Усадьбу перестроил под свой вкус. Существует местная легенда, что в молодости он неудачно сватался к предыдущей владелице. Якобы именно поэтому он приказал засыпать весь нижний ярус дома, когда стал здесь хозяином. Хотел спрятать балкон, с которого когда-то услышал отказ.

Юра понимал князя, похоронившего под землей первый этаж. У многих вещей есть память. Одни долго служили какому-то человеку и сроднились с ним. Другие связаны с ярким всплеском эмоций. Легко ли каждый день выходить

на балкон с чашкой кофия, когда сами его доски помнят твое унижение?

— Князь Аркадий Зарецкий умер незадолго до революции, и поместье стало народным. Наследники уехали за границу. Они уже не вернулись на родину, — закончил рассказ Юра.

Внедорожник свернул с асфальтированной дороги на проселочную и скоро въехал на длинную деревенскую улицу. Самые крупные колдобины здесь были кое-как засыпаны щебенкой и битым кирпичом. Некоторые дома выглядели заброшенными, около других стояли новые автомобили или трактора, сутились утки и гуси. Кудлатая черная собака с обрывком цепи на шее долго бежала за внедорожником, заходясь лаем.

Выехав на берег маленькой заболоченной речушки, Егор заглушил двигатель.

— Вот оно, поместье Заречье! — сказал Юра, указывая на другой берег, густо заросший старыми ивами.

За деревьями виднелось то, что осталось от усадьбы. Третий этаж зиял провалами окон. На секунду Юре показалось, что на коньке крыши стоит человек, но, присмотревшись, он понял, что это всего лишь остатки кирпичной трубы. На тот берег вел шаткий мостик. Там угадывалась полуразрушенная пристань, от которой вверх к особняку поднимались ступени каменной лестницы, густо оплетенные ползучими растениями. От воды шел гнилой, трупный запах.

— Раньше здесь был парк. За ним долго не ухаживали, поэтому он сильно зарос, — объяснил Юра. — Был подъезд

и с другой стороны особняка, к воротам, но я не знаю, сохранилась ли дорога. При советской власти здесь были клуб и библиотека, но сейчас все закрыто.

— А теперь здесь река Смородина и Калинов мост, — сказала Инга, выбираясь из машины.

На ней были мешковатые джинсы и туго зашнурованные берцы, а крепкие загорелые руки несколько раз обвивали плетенные из ниток фенечки.

Егор тоже вылез из внедорожника. На его широком ремне Юра увидел пластиковую коробочку пейджера, а рядом — сотовый телефон в кожаном чехле. Зависть снова подняла голову. Голодный студент не мог позволить себе такую дорогую новинку и звонил нервной, тревожной матери из автомата в фойе института.

— Мы тут останемся, — сказал Егор, зыркнув белесыми глазами. — Куда тебя подвезти?

Юра замялся, продолжая крутить в руках головоломку. Красный — оранжевый, белый — желтый... Выдумать правдоподобный ответ не получалось, а настойчивый интерес к поместью Зарецких ему не нравился.

— Можно я пройду с вами немного? — наконец спросил он. — Я не помешаю?

— Валяй, — пожала плечами Инга.

— Вы тоже интересуетесь историей?

Егор усмехнулся, но бледно-голубые глаза остались холодны.

— Ага, — сказал он. — Можно сказать, что мы охотники на привидений.